

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗАЧЬИХ РЕСПУБЛИК

И.Ю. Ерохин,
PhD, старший научный сотрудник,
Кройдон Колледж,
Великобритания,
г. Лондон,

На рубеже XX-XXI вв., в условиях демократического отката возрос интерес к исследованиям ранних форм демократии. На основе структурно-функционалистских и неофункционалистских традиций развивается новое направление, обоснованное Д. Александером [1]. Определяя демократическое общество как «сферу интеракции, институтов и солидарности, которая поддерживает жизнь общества вне областей экономики и государства», он делает упор не на социальных институтах, как его предшественники, а на том, что происходит вне этих институтов [1, с. 6]. Данное положение позволяет по-новому взглянуть на ранние казачьи республики, рассмотреть причины формирования в недрах этих государственных образований автономии и самоуправления. Институт государственности у казаков подтверждают и многочисленные заключённые союзы и дипломатические отношения с европейскими государствами.

Многие отечественные работы, посвящённые казачьей проблематике, делают упор на фактологической, а не теоретической стороне уникальной модели государственности [6, 9, 11], анализируют культуру и субкультуру казачества [5, 10], отношения с российской властью [4, 7]. Сложившаяся в нашей стране историческая конъюнктура делала невозможным исследование протодемократических основ казачьей государственности. Сегодня многие работы позволяют делать выводы даже о некоторых элементах гражданского общества в ряде казачьих сообществ. Хотя Ю. Пивоваров и А. Фурсов справедливо утверждают, что у нас и до сих пор агенты социума в большей или меньшей степени остаются субъектами с соизволения и по поручению власти [13, с.121, 139]. Казачество и в средние века могло развивать свою автономию в тех рамках и пределах, которые дозволялись российским государством.

Самоуправление казаков также носило противоречивый характер, порождённый раздвоением русской общественной жизни в целом. С одной стороны: сильное государство и безусловное подчинение ему, с другой – стремление к земству, самоуправлению, вольнице.

Как пишет Аристотель, «общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершённое государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичные

общения: оно является завершением их, в завершении же сказывается природа» [2, с. 306]. Таким образом, казачья государственность выступает как «творение природы», как реализация естественной потребности человека – существа общественного, «политического животного» – в общении и совместной деятельности, как высшая форма такого общения, а задача лидеров виделась в нахождении оптимального устройства государства.

Фундамент демократии, т.е. местного самоуправления территорий, если не считать афинскую республику, создаётся в Европе в XI-XII вв., а в Америке – с момента её колонизации. В России такие попытки обнаруживают в эпоху Новгородской и Псковской республик (которые называют прообразом казачьих республик), затем в начале правления Ивана IV («губные старосты»). Их называют неудачными, как и сегодняшнее строительство демократических институтов. Для эффективного самоуправления необходима гражданская активность на местах. Примером истинной самодеятельности и самоуправления предстаёт Запорожская Сечь – военная республика, где каждый мог участвовать в управлении. Одним из популярных вариантов сословного и национального самоутверждения является создание собственного независимого государства. Однако он далеко не единственный: в случае с казачьими сообществами просматривается вариант преодоления государственного тягла формирующейся империи. По мере централизации и объединения земель под властью московских государей, казаки искали возможности автономии и противодействия надвигающемуся левиафану. Его право распоряжаться судьбой всех находящихся в его орбите сдерживало казачью вольницу. Формирование российского централизованного государства шло постепенно, но в итоге смело все другие формы политического бытия, оно не предполагало суверенитета. В 1775 г. Казачья Сечь была сметена этими процессами в связи с очередным социальным бунтом против власти.

Среди трудностей становления демократии в России сегодня отмечается не только распад традиционных норм и социокультурных связей, но и возникновение завышенных материальных и статусных ожиданий. Эти ожидания, особенно на ранних, незрелых стадиях конструирования демократических казачьих сообщества, чаще всего не могли быть утолены, ибо формировались из глубоко традиционного, подчас даже инфантильного и архаического духовно-психологического склада. Преданность российскому царю и российскому государству удивительным образом соседствовала в казачьем сознании с противодействием государственному строю, когда он переставал удовлетворять его.

Так, например, после Смуты недовольство властью, жажда порядка и покоя легли в основу психологических настроений казачества. Избрание Михаила Романова не могло удовлетворить и другие социальные группы. В мифологизированном сознании ещё долго бродили неясные социальные чаяния, связанные с самозванщиной. По исследованиям С.В. Бахрушина, взявшего за основу следственные дела по политическим преступлениям тех лет, можно выявить примечательные факты. Так, в 1622 г. на Коломне Демид

Фролов в разговоре с несколькими казаками заявил: «Царь де Дмитрий жив, объявился де он в Запорогах; и из Запорогов послал его Саадачной к королю, платье де ему добыл, дал русский казак, Васьюкою зовут, тому де будет 7 лет» [3, с. 92]. Так создавалась новая легенда, вызванная недовольством новой власти и связанная с казачеством, как основным источником бунта.

Ещё Н.И. Костомаров выделял у разных казачьих сообществ одинаковое стремление «удержать свою корпоративность против государственной власти, но вместе с тем и готовность служить государству с сохранением своей вольницы» [8, с. 265]. Московское правительство мирилось с казачьей вольницей в обмен на службу и защиту границ. В рамках этого процесса происходят «торг» и обмен политическими ресурсами. Это подчёркивает асимметричный характер отношений ранних сформировавшихся казачьих сообществ и российской власти, а её ресурсы в дальнейшем стали использоваться для влияния, что повысило потенциал и силу воздействия субъекта власти.

Однако кроме «прирученных» государством служилых казаков появлялись и вольные самостоятельные братства, одним из которых явилось уникальное государственное образование – Запорожская Сечь. Они «управлялись сами собою, считали себя независимыми и если изъявляли готовность служить царю, то как бы добровольно». Это вольное братство было открыто для всех. Однако приём в Запорожскую Сечь (напоминая принятие гражданства) осуществлялся на определённых условиях, главными из которых являлись военная подготовка и православная вера. Нередко казачьи сообщества выражали недовольство российскими властями, вопреки запретам и указам вели войны с соседями, нападали на царских послов, грабили купцов, давали у себя приют опальным и беглым.

Само понятие казак сперва означало вольного бродягу, а потом воинов, удальцов. В народном сознании оно имело широкий смысл и прочно закрепилось со стремлением уйти от тягла, подчинения власти, от государственного гнёта, притеснений. По мнению Костомарова, «всякий шатавшийся беглец был в народном смысле казак... Народ русский, выбиваясь из государственных рамок, искал в казачестве нового, иного общественного строя» [8, с. 266]. Также к началу XVII в. в общественном сознании сложилось представление, что «на казаков нельзя положиться, что они таят в себе мысль о новой самозванщине» [3, с. 92].

Зарождение самой политики и государственности в казачьих сообществах XV-XVI вв. прослеживается в связи с эволюцией военного лидерства. Первые политические действия, давшие начало казачьему самоуправлению в рамках, например, Запорожской Сечи, обусловлены военным взаимодействием и в том числе выстраиванием отношений с российским государством. Это повышало значимость военной составляющей в структуре общественного сознания казаков и их менталитета и формировало предпосылки для становления властно-управленческих функций казачьего атамана.

Особо показательным в процессе государственного строительства выступает административно-территориальное деление казачьих республик. В рамках XVI-XVII вв. можно говорить о территориально-политическом делении, т.к. шло объединение территории в своего рода военные округа – единицы традиционного боевого порядка. Они как бы «перекраивали» традиционные (естественные) границы, тем самым подчёркивая свою самостоятельность. Запорожская Сечь делилась на курени, имевших войсковую специфику. Новая Сечь (XVIII в.) делилась на округа (паланки), а те, в свою очередь, на слободы.

Тенденция к централизации власти в руках атамана говорит о военной организации данного социально-политического института. Нередко он выступал как диктатор, вынося смертные приговоры провинившимся, принимая во время войны важные стратегические решения. Атаман был первым среди равных, но постепенно становился верховным правителем, проецируя модели самодержавной российской власти. Атаман избирался на заседании рады, но затем был непререкаемым авторитетом.

Рада соединила в себе функции законодательной, исполнительной (административной) и судебной власти в казачьей республике. Выделяют войсковую, куренную и паланочную рады. Особенно важные вопросы обсуждались на войсковой раде: о начале войны, мирных переговорах, походах, наказании врагов, разделе земель, выборе начальства и должностных лиц.

Прямое управление через выборных лиц в казачьей республике является прообразом правительства, состоявшего условно из ведомств – административного, хозяйственного и международного. Тот факт, что кошевой атаман, куренные атаманы и выборные старшины вынуждены были совещаться с рядовыми казаками (хотя и не всеми – зимовые казаки не допускались к участию в радах) ясно говорит о демократическом характере казачьей государственности. При этом нельзя забывать, что решающее слово оставалось за атаманом и военная элита играла важную роль в государственном управлении.

Известный исследователь В.А. Тишков обнаружил в истории российской государственности все признаки озабоченности проблемой консолидации народа (народов) империи в ходе модернизации и весьма раннее толкование нации как общности, переживающей свою связанность (если и не полное единство) через государственность [12, с. 570]. Ещё сложнее обстоит дело с идентичностью. Русская идентичность строилась преимущественно не на этнических, а на традиционных основаниях: конфессиональных («мы» – «православные», «хрестьяне», они – «нехристи»/«басурмане»), сословных («мы» – «казаки») или территориально-локальных/региональных («мы» – «донские», «запорожские», «яицкие»). Лишь в экстремальных ситуациях угрозы потери независимости казаки идентифицировали себя с государством, принимали власть, олицетворением которых для них был российский правитель.

Политическая власть в казачьих государствах характеризуется способностью и возможностью для тех, кто ею обладает, проводить свою волю в руководстве и управлении всем обществом (государством), оказывать определяющее воздействие на поведение казаков с помощью средств, находящихся в распоряжении государства, мобилизовывать на достижение поставленных целей, регулировать отношения между станичниками (в том числе ради стабильности и общественного согласия).

Опыт государственного строительства казачьих республик приводят к ряду сложных дихотомий. Власть и свобода, власть и насилие, власть и авторитет, власть и личность. До сих пор в исторической науке нет единства по поводу того, что скрывается за многогранным феноменом казачьего самоуправления, феноменом господства одного над другими, личности над массами, лидера над ведомыми [5, 6, 7, 10].

Можно сделать вывод, что казачьи республики представляли собой вторичную (параллельную) модель государства в рамках Российской Империи. Такое параполитейное состояние социальных органов можно определить как потенциально государственное, т.е. ситуацию, когда казачье сообщество переходило к следующему этапу своего развития лишь отдельными элементами при сохранении предшествующих форм – обычного права, структуры семьи, примитивных моделей самоуправления.

Итак, история развития демократических институтов не теряет своей академической и практической актуальности. Опыт формирования собственной государственности с элементами демократии, какой нам дают казачьи республики, привлекают своей уникальностью и содержат бесценные традиции для современного государственного строительства России и Украины.

Список использованной литературы

Александр Д. Власть, политика и гражданская сфера // Социс. – 2009. – № 10. – С. 3-14.

Аристотель. Политика. Афинская полития. Серия: «Из классического наследия». – М., Мысль, 1997. – 466 с.

Бахрушин С.В. Политические толки в царствование Михаила Федоровича // Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. – М.: Наука, 1987. – 222 с.

Волвенко А.А. Российская власть и донское казачество во II пол. XIX - нач. XX вв. // Пространство власти: исторический опыт имперской России и вызовы современности / Под ред. Б.В. Ананьича, С.И. Барзилова. Серия «Университетская наука», вып. 3. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С.186-203.

Дхюбан В.В. Особенности казачества как субкультуры // Вопросы культурологи. – 2012. – № 12. – С. 67-70.

История казачества Азиатской России / Н.А. Миненко (отв.ред). – Екатеринбург, 1995. Т.1. XVI – первая половина XIX в.

Кислицын С.А. Государство и рассказывание. 1917-1945. – Ростов-на-Дону, 1996.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. – М., 2007. – 1024 с.

Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. – Новосибирск, 1988. – 277 с.

Рыблова М.А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX в. / М.А. Рыблова – Волгоград, 2006. – 342 с.

Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века. – Новосибирск, 2004. – 212 с.

Тишков В.А., Шнирельман В.А. Национализм в мировой истории. - М.: Наука, 2007. – 657 с.

Хлопин А. Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность (размышления над отечественными публикациями последних лет) // Pro et contra. 2002. Зима. – С. 120-141.